

АКТЕРЫ И РОЛИ

Леонид ЛЮТВИНСКИЙ:

«Случайность — это всегда непредвиденная закономерность»

Один из непонятых в нашем непонятном мире: Леонид Лютвинский. Исполнявший ведущие роли в фильмах «Наутилус», «Портрет мадемуазель Таржи» и др., игравший в течение ряда лет в «Ленком» и получивший известность на сцене Театра Романа Виктюка, продолжает сохранять свое инкогнито. За час до начала спектакля «Служанки» (столь полюбившийся московскому зрителю и сопровождающийся шумным успехом), под рабочий гул подготовки сцены мы беседуем с Леонидом о его амплуа «непонятого».

- Скажите, пожалуйста, как вы стали играть роль Мсье в «Служанках»? Вам эту роль предложил Роман Григорьевич Виктюк?

- Да. Дело в том, что я принимал непосредственное участие в первых его «Служанках», т.е. все время был рядом, когда спектакль создавался в «Сатириконе» у Райкина. Ну, а потом мы поставили спектакль «М.Баттерфляй», и у меня там уже была роль. А после «Баттерфляй» делались «Служанки» в театре самого Виктюка. И, естественно, с тем составом, который был в Театре Романа Григорьевича.

- А как придумывался образ Мсье? Ведь он как герой в пьесе не существует.

- Образ Мсье? Надо сказать, что он уже был придуман. В Театре Виктюка сделана как бы новая редакция «Служанок». У меня в основном работа шла с балетмейстером, ведь все выражение роли Мсье пластическое. Я же на сцене не говорю ни одного слова.

- А если бы были слова, то какие?

- Если бы были слова? «Меня видно. И этого достаточно». Но я думаю, что мудрость режиссерского решения именно в том, что Мсье ничего не говорит. Мсье - это как бы сам Жан Жене, автор пьесы, который заставляет этих огольцов - играющих роль сестер-служанок - пережить написанную им трагедию. Они издеваются над юбками, а он надевает на них юбки, заставляет их прожить все перипетии своих героинь, а потом отнимает у них все. Это своего рода маркиз де Сад, как я его понимаю.

- Мсье любит Мадам или нуждается в том, чтобы его любили?

- Мы все нуждаемся в том, чтобы нас любили, начнем с этого. Естественно, Мсье любит Мадам, но если фантазировать по поводу его личной жизни, кого он еще любит, я думаю, что помимо Мадам у него существует масса других женщин. Это убого.

- Ваш любимый танец из дивертисмента?

- «Тико». Когда я надеваю белое платье, я лучше всего себя чувствую в нем. Дело в том, что у нас девять балетмейстеров сменилось, пока мы поставили окончательный вариант. И номеров «белого платья» у меня еще несколько. Они все мне нравятся. А потом этот танец на мне же построен. Он мой. Так задумано, чтобы у каждого был свой танец. У Виноградова - свой, у ребят, у служанок, - «красное платье» - их танец. А «Тико» был поставлен Смирновым для меня лично. Это мое соло. Многие номера еще задумывались, но поскольку дивертисмент и так очень затянут, эти номера не были включены в спектакль. Кажется, Бернард Шоу сказал: «Не надо так серьезно относиться к жизни, потому что никому из нас еще не удалось выбраться из нее живым». Поэтому у нас в «Служанках» после трагедии дается дивертисмент. Не нужно, чтобы человек уходил со спектакля с тяжелым сердцем. Проблем полно и за стенами театра.

- А вы чувствуете, когда зал переживает?

- Да, конечно. Это все чувствуют: зал с нами или нет. У «Служанок» есть свой зритель. Я думаю, что на них люди уже ходят постоянно, контингент определен. Есть стопроцентные места, где аплодируют. Например, когда мы с Сергеем Усдием (встреча Мадам и Мсье) (встреча Мадам и Мсье) сыграли «Служанок» взамен «Рогатки», реакция зала была совершенно другая, имеет восприятие, потому что имеет значение, на «что» пришел зритель. Конечно, актерская про-

фессия предполагает какое-то размышление, анализ, разбор, но это все-таки скорее режиссерская привилегия, а актерское существование более эмоционально, оно строится на восприятии и отдаче. Как только ты начинаешь анализировать и логикой проверять поведение своего героя - все разваливается, все сразу становится мертвым. Поэтому для меня чисто профессиональным делом являются эмоции. Меня всегда удивляет (это - чудо, конечно), когда два, три, четыре человека на сцене собирают такое огромное количество людей в зале, приходящих их смотреть. Приходят, деньги платят. Почему?

Когда я пришел в институт, только начинал учиться, хотелось нести со сцены высокое, доброе, вечное. А к концу четвертого курса я понял, что в театр идти за тем, за чем пришел, не стоит, потому что всего этого там нет на сегодня. Жизнь у нас такая. И значение театра в этой жизни стало иным. Раньше театр в жизни человека, да и в жизни общества, играл большую роль. А сейчас, с появлением новых технологий, телевидения и тем более когда упал «железный занавес», появилось очень много информации, люди предпочитают сидеть дома, смотреть видео, еще что-то. Поэтому сам театр, я так считаю, приобрел чисто физиологическую особенность. Есть люди, у которых организм выделяет огромное количество эмоций. И театр - то место, где они их из себя выплескивают. Если у тебя эта потребность есть, тогда нужно идти в театр, потому что за другим, за деньгами, например, сюда идти нечего.

У меня такая потребность есть. Объяснить, для чего ты выходишь на сцену, невозможно. Просто выхожу, хотя есть желание перейти немного в другую сферу. Не в качестве артиста, а что-то самому сделать.

- Как вы считаете, почему «Служанки» пользуются таким успехом?

- Потому что талантливый спектакль. А все талантливое пользуется успехом. «Служанки» - красивое зрелище. Люди всегда будут смотреть на красивое. Когда мы собирались, мы говорили: «Красота спасет мир». Но потом решили: зачем нам спасать мир, мы все равно не сможем этого сделать, давайте спасать красоту. Красоту, которая у нас существует, которая вокруг нас. Хотя немножко. Организовать красоту, пусть даже искусственным образом. Поэтому спектакль и пользуется успехом. А потому в него действительно вложено очень много труда и таланта.

Есть театры, которые есть совершенно не интересны, мне даже кажется, что все происходящее в них бездарно. Но ведь и у них есть свой зритель. Всегда найдется кто-то человек, которые скажут, что это - потрясающе. Потому что в их

душе, в их жизни было что-то подобное, что и заставило их среагировать именно на данное зрелище. Количество зрителей уже не имеет значения - десять или сто. Важно, что у спектакля есть свой зритель. А есть люди, которые категорически не воспринимают «Служанок», говорят, что это просто ужас. Да, наш спектакль далеко не для всех. Кто-то приходит и ему нравится, уходит или видит в нем одни гомосексуальные темы и больше ничего. Все зависит от угла зрения: кто-то видит под ногами лужу, кто-то отраженные в ней звезды. Поэтому, как сфокусируешься...

Кстати, наш спектакль - это единственное, что сегодня связывает меня с искусством. Потому что я на два года вообще исчез из этого мира, причем сознательно. Сейчас стал возвращаться немножко, буду что-то делать. А здесь, хотя работа и небольшая...

- А удовольствие она приносит?

- Раньше - да, а сейчас - иногда.

- От чего это зависит: от публики или от настроения?

- От настроения, от внутреннего состояния, от того, какой спектакль, как, где он идет. Если мы, например, играем его в этом зале (конференц-зал РИА «Новости» - Прим.М.П.) или в других нормальных залах - это одно, а когда где-то в Олимпийской деревне... Все-таки - это камерная вещь. Если его еще на стадионе сыграть, конечно, удовольствия не получишь.

- Вы трудный в работе? Спорите с режиссером?

- Я? Нет, не спорю. Если я доверяю режиссеру изначально, тогда я делаю все, а если не доверяю, тогда я просто не работаю. Поэтому я очень мало работаю в театре и кино.

- Есть такой режиссер, с кем бы вы сейчас хотели поработать?

- У меня есть режиссеры, которых я очень уважаю, и с которыми я хотел бы работать. Например, Никита Михалков. Он мне человечески, творчески очень интересен, и я испытываю уважение к нему, к его образу мысли, к его поступкам. А еще? Из всех, кого знаю, не очень.

- Что вам нравится больше: процесс работы над ролью, репетиции или играть уже готовый спектакль?

- Мне нравятся репетиции. У Романа Григорьевича всегда были интересные репетиции, всегда был интерес сам процесс. Именно процесс, потому что все равно это - не результат. Ведь спектакль, даже уже готовый, начинается жить своей жизнью и развиваться в ту или иную сторону. Театр - не кино. Кино сняли - и точка. Но сам процесс тоже может жить своей жизнью в зависимости от времени: сегодня на него смотришь, а завтра другая эпоха, морально-этические критерии измени-

лись в обществе, и те же события, поведение героев воспринимаются уже иначе. Как у нас и было. Всегда.

- Что вам интереснее играть: современные пьесы или классику?

- Если бы меня спросили, когда я заканчивал институт, что бы вы хотели сыграть, кого, я бы перечислил классический репертуар: Гамлет, Ромео и т.д. А потом для меня уже не имело значения, что играть конкретно - Гамлета или могильщика. Стало важным выйти на высокий профессиональный уровень.

Я бы предпочел сыграть в хорошем, талантливом спектакле, в хорошей компании какую-то небольшую роль, пусть того же могильщика, чем главную, как Гамлет, - в плохом. Поэтому современная это или классическая пьеса, мне кажется, не имеет значения, если она сделана талантливо. Мне интереснее там, где талантливо, а не там, где какой-то определенный репертуар.

- Кто-нибудь из ваших героев похож на вас в жизни?

- В кино - да. В кино я как бы так и старался прожить кусок своей жизни. Один фильм - «Наутилус» - просто кусочек моей жизни, когда я приехал в Москву, работал дворником, ушел от всех проблем.

- Кстати, как вас принял город, когда вы приехали в Москву?

- Никак. Не ждал. Город не ждал меня совершенно. Поэтому пришлось преодолевать что-то.

- Кроме того, что вы случайно поступили в ГИТИС, что в вашей жизни было случайным? Что повернуло вашу жизнь совершенно в другую сторону?

- Случайность - это всегда непредвиденная закономерность. А у меня все в жизни случайно. Если так рассматривать случай. У меня нет определенной программы, чтобы я выстроил себе по ней путь и точно по нему следовал, не отклоняясь ни влево, ни вправо. Я живой человек. Если мне завтра жизнь предложит что-то совершенно неожиданное, чего я не жду, но то, на что мой организм прореагирует положительно, то я буду жить той жизнью.

- Вам нравится быть в центре внимания?

- Не всегда. Потому что, как говорят: «Нам помогают не аплодисменты, а тишина собственной души». И я сам способен организовать мир для себя и жить в нем.

- Есть такая роль, о которой вы мечтаете?

- Да, но только я мечтаю сыграть ее в жизни. Это роль счастливого мужа, счастливого отца. Когда у человека все хорошо, есть любимая жена, любимые дети, когда у них все в порядке.

- А вам в жизни пришлось переносить игру со сцены в жизнь? Прятаться за какую-нибудь маску?

- Раньше - да, частенко приходилось, сейчас - иногда. Это помогает, кстати, очень сильно. Но потом наступает момент, когда устаешь играть в жизни. Жизнь наказывает, когда начинаешь в ней играть. Есть для этого сцена, там и будем играть. Это очень трудно, чтобы человек был равен самому себе. Я не считаю, что мне нужно что-то играть, казаться лучше или хуже. В жизни я хочу быть адекватным. Хочу просто жить нормально, ощущать себя в свободном течении, в свободном потоке. А если мне захочется что-то сыграть, то вот, пожалуйста, есть для этого профессия.

- О вас отзываются как о человеке очень оптимистичном, полном зажигающей энергии. А сейчас в вас чувствуется какой-то пессимизм.

- Да, это было. «В моей душе восходит солнце. И я лучиться обречен!» - слова Северянина, моего любимого поэта. Да, так я существовал. Но сейчас не то чтобы энергия закончилась, а пришло время осмыслить все, что произошло, потом дальше жить. Происходит процесс осмысления предыдущей жизни. Очень серьезный этап. Я полагаю, мы не властны этим распоряжаться. Поэтому я думаю, что перейду немножко в другую сферу и, когда сам подзаряжусь еще немного, начну помогать другим.

Марина ПРАВДИВАЯ.

Фото Ю.ШАВРИНОЙ.